

Дмитрий Полищук
Мастер пения

Дмитрий Полищук

Мастер пения

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Полищук
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П50

Художник серии: Сергей Труханов

Д. Полищук
П50 Мастер пения. — М.: Воймега, 2014. — 44 с.

ISBN 978-5-7640-0152-4

Дмитрий Полищук – московский поэт, автор книг стихов «Петушка» (1995), «Страннику городскому. Семисложники. Четырнадцать страниц из дневника путешествий по странному нашему городу да пять песенок старинными семисложными стихами с прибавлением книжицы из трёх стихотворений, сочинённых на том пути иными силлабическими же размерами» (1999), «Гиппогриф и сборно/изборно все предыдущие, последующие и сопутствующие химеры» (2002) и публикаций в периодике.

Книга выпущена при поддержке Алексея Коровина.

© Д. Полищук, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Храм упал...

Е. Боратынский

Ihm dienten die wenigen ragenden Säulen als Saiten
einer unsichtbaren Leier...

M. Heidegger

Несколько возвышающихся колонн служили ему струнами невидимой
лиры... — М. Хайдеггер (*нем.*)

I

Дим-дим

Это, что ли, колокольчик звенит: дим-дим?
Мусор горит. Стелется дым.

Над костерком прыщавый юнец
в консервной банке плавит свинец.

Тусклые отливки пионерских лет:
грузила, свинчатки, ещё кастет...

Дым ли, туман ли... По-над водой
леска натянута. Это, что ли, сторожевой

колокольчик звенит: дим-дим?
Я не помню, чтоб был молодым.

Эти дали

К майским рамы, проклеенные на зиму, отрывали;
в эти дали, сияющие синим пустоты
на четвёртом в мальчишеском запускали
из тетрадей в полоску и клеточку самолёты;

напролёт перемены, вечно опаздывая на уроки,
чтоб ещё хоть один — мой! — заскользил над домами —
выше! выше! — на восходящем потоке
в тридесятые вестником государства, кругами

над хрущёвками приинститутскими, инженерной Москвою,
над планетой задачек, решабельных в идеале;
не видать со двора, где, глухие к соседскому вою
авиаоторному, произрастали

по подъездам да кухням зелёные человеки, —
сколько было своих! — были споры пространны,
были дружбы захлёб, были ссоры навеки,
а потом порассеялись в разные страны;

эти страны бумажные в странном азарте
рисовали старательно так, что едва дышали,
на школьной географической контурной карте
по бледному голубому цветными карандашами.

Ты завтра

из силлабического дневника

1

12 янв., Пав. вокз.

Поехал на Павелецкий вокзал
тебя у поезда перехватить.
Знамо дело, протоптался, прождал,
изматерился весь, — вот ведь, ить-ить! —
могла б позвонить, сказать «проводи»,
время сказать, вагон, а то туда
я, сюда по перрону... Злость в груди,
и мёрзлая в душу хлещет вода.

2

15 янв., наб. Яузы — Госп. вал., офис

В обед пошёл слепил снежок любви —
большой, горячий — моей любви.
И зашвырнул — в Мичуринске лови,
эх, в брадатом, в рогатом Козлове!
Как ты там? А как сестра воробья,
коим Катулл забавлял подружку?
Му́ка воображенья без тебя —
весь рабочий день грезил пичужку.

3

Театр на Сретенке — Юрьевск. пер.

Помнишь, ходили на Мин Танака,
«шамана» из Японии? Потом
шли к метро и трепались о всяко-
разном и любви под гагаку притом...
Наши встречи бывали так редки,
а всё ж искусством заняты умы!
Потом — ты по оранжевой ветке,
я по зелёной — разъехались мы.

4

Юрьевск. пер.

Что слышит женщина-музыковед
в снах своих? Взрывы, что ли? Теракты?
Иль такты музыки, той, что как свет?..
Сердце ж прямо сжимается, как ты
пугаешься, если вдруг разбужу.
— А?.. Что?.. — вскинешься, чуть не до крика...
— Тише, тише, это я, я жужжу:
музыка моя, муза, музыка...

16 янв., Крюковск. ул.

Хорош вечерок! Ветр. Скользь. Мраз. Древа
трещат по Москве! Метеосводка
как раз, чтоб в сердцах подбирать слова.
Ну-тка, навскидку если: «Погодка, —
как бы сказать поприличней, — борза!»
Не то в мозгу — всё те же да эти ж
зудят: «...ты завтра приедешь... ты за-
втра приедешь... ты завтра приедешь...»

Мне снится

1. Как

...моря у синего, прям на берегу,
на пляже под хвойным кряжем,
как жили в раю две недели в неге
райской, а где — вам не скажем;

как в чрево ныряли звёздного зева
в сиянье планктоновом тела;
днём гуливали, как Адам и Ева,
под сению можжевела;

как, с эхом в ущелье играя в рифмы,
ртутным сверкая станом,
под водопадом плещутся нимфы,
брадатый подглядывал Паном;

как волны риторику учат бессонно,
с галькой во рту тараторя;
как в толщах пульсируют асинхронно
сердца студенистые моря;

как, с берегом отчаливая от лодки,
чем дальше — всё нереальней,
горы складываются, как закладки, —

щёлкни мышкой по дальней...

2. Ты пришла

Мне снится пастораль. Среди отар
играет на свирели новый Вишну.
Ты преподносишь мне июльский дар —
пылающую на ладони вишню.

Я вижу, как по трещинкам судьбы
растёкся сок кровавой паутиной,
тебя, сошедшую с охотничьей тропы,
склонённую над заспанным мужчиной.

Так повелел зодиакальный лев —
он на припёке выгнулся упруго
и вот уж захрапел, осоловев,
пока за кормом прыгает подруга...

Но ты пришла, насмешница, и вот
разбуженному — эх, не на беду бы! —
сочащийся, багряный, жгучий плод —
судьбу передаёшь мне губы в губы.

3. И было

...утро, и было лето.
Лежала рядом совсем раздета,

совсем раскрыта, ещё спала ты,
и были губы холодноваты.

Плыла улыбка ещё без тела —
а тело было тепло и бело.

Ода к Му вторая

1

Привет вам, хоры цикад!
Моря мерные речи!
Вам, как предчувствию, рад,
с той лишь ищю я встречи,
кто к нашим краям земли —
жизни певчая сила! —
элинские корабли
за мечтой приводила.

2

Довольно я тщетных лет,
чувственным отвлекаясь,
легчайших сандалий след
не разыскивал! Каюсь —
и нынче был помрачён
видами взору близких
дев обнажённых и жён
на берегах горгипийских.

3

Глина ли груди тугой?
Лона ль нежное жженье?
Что мне любви земной
игрища да сраженья! —

был в деле и сам не плох,
дважды бился недаром! —
эх, — по́ три на выдох-вдох, —
тысячи тыщ ударов...

4

Не о телесном в тоске
в полдень отвесный лета
из вереска на песке
жгу костерок для света —
в небе темно от стрекоз,
тьмою кружа над дюной,
скрывают от плотских грёз
в мир приход Вечно Юной.

5

Подруга, прости ж навсегда.
Женской верна гордыне,
Муза приходит, когда
прочих нет и в помине.
В пальцах вертя колесо
солнца, вся — ослепленье!
В хоре кузнечиков, со
стрекозой на колене.

2002, 2005, Горгиптия

Сюда вернуться

Пора в Коктебель.

Граффити

Немногое напомним здесь о нём.
Вот — над горой виденье силуэта,
вот — прежний дом... А всё, что возле, — это
такое всё... Для ясности замнём.

Сюда вернуться? Разве чтоб пешком,
во исполнение детского обета,
в Киммерию пройти путём Поэта,
высоким по-над хълмами путём...

Нет... Разве что в бреду московской ночи
буди меня: — Вернуться хочешь? — Очень!
Вот так на понт берёт Эвксинский понт.

И плоский сланец, на удачу брошен,
уводит счёт кругов за горизонт...
И вал ерошит камешки: — *Волошин*.

II

* * *

Варе

В тёмных кустах притаилось добро.
Глянь, как мерцает его серебро...

Страшно-то как прикоснуться к добру!
Думаешь, трону — и сразу умру.

Во искупление долга

Ты знаешь, как разнять все оковы.

Атхарваведа

За то, что я есть на земле, — я в долгу неоплатном
и буду его возвращать, покуда я есть:
за воздух, который вдыхаю и выдыхаю обратно,
за воду, что пью, и за хлеб, что мне выпало съесть.

Ведь, сколько живу, всё долги свои возвращаю, —
живущий долги выплачивает живым, —
за всё, что беру, я дыханием, хлебом, водой отвечаю,
покуда я жив, расплатиться бы с долгом моим.

И, так совершив, я остался бы свете на этом
свободным, лишённым долгов, как и свете на том, —
в том мире, где предки и боги, — не связанным долга обетом,
во всём искуплённым, любым устремляясь путём.

Мастер пения

Егору Даниловичу Резникову

Когда мастер пения входит в храм,
с ним в придел возвращается тишина.
Это чувствует дискант-послушник, посматривает по сторонам:
чудно легче стало вытягивать, а причина-то не ясна.

И никто не приметит из братии, как никто не подслушал досель,
миг, когда мастер пения вступает в общий хор.
А уже на голос единственный откликнулась каменная свирель —
отзвуков радугой многолиственной зацветает собор.

И хор восходит звучания лествицей, сливаясь в единый глас,
и из каждого сердца — как к солнцу лучи! — тянется серебряная
труба,
выводя *аллилуйя, и радуйся, и молись за нас...*
Когда мастер пения выходит из храма, его встречает толпа.

И к нему подводят для исцеления от рожденья глухих,
запущенных, *му-му* мычащих, кому и *ма-ма́* не суметь.
И вот все зеваки разинут рты, будто каждому дали поддых...
Он руку кладёт на грудь — человек начинает петь.

И все начинают петь, и волю дают слезам,
и слышат, что с ними согласно поют в Везеле, в Фонтене,
в Тороне...

Это мастер возводит пения чистого храм
от пределов земли на западе и востоке, на юге и там — в родной
стороне.

6 декабря 2002

Из цикла «Сонэцки»

1. Безумное облако

Бренный сей мир —
наважденье одно,
смерти тоже нет.

Иккю Содзюн

Проснитесь и встречайте! Здесь. Сейчас.
Монах, иль самурай, иль кто из знати.
Под всплески чая, сипы сякухати.
В весёлом доме с дамой — в самый раз!..

И колет чрез века косящий глаз
с портрета пробуждённого, где кстати
стерня волос, резных морщин печати —
печальный и нездешний дикобраз!..

В эпоху Эдо мастер-нэцукэси
твой дикий образ вырежет из кости
и — черепом увенчанную трость.

С ней обходя заоблачные веси,
ты к нам под Новый год стучишься в гости.
О смерти с вестью — дзен и плоть и кость!

2. Банановый старец

Новолуние!
С той поры я ждал — и вот
В нынешнюю ночь...

Басё

Бывало, в полнолуние шли к холмам
стихи слагать... Все слыли знатоками.
Раз — нищий мимо... — Эй, любезный, с нами
давай! Не трусь! Мы судим по стихам...

Прочёл... Своим не верили ушам, —
и нас вспомнят с этими строками! —
мы посмеяться собирались сами,
ан, знамо, с нами был Учитель сам...

О, хижина под веером банана!
Плащ из соломы треплет обезьяна.
А плечи мнёт угля угластый куль...

Луна — вся в трещинах — за сеткой кроны,
на голых ветках кляксами вороны.

Запруда старая.

Лягушка.

Буль!

Из...

**1. ...Тичборна. Элегия, написанная им
19 сентября 1586 года накануне казни**

Мою весну сковал мороз тревог,
мой счастья пир — одно лишь блюдо мук,
я сеял хлеб — и вот сжал плевел стог,
и весь мой скарб — тщета надежд: а вдруг?
Мой минул день — не видел солнца я,
ещё я жив, а жизнь прошла моя.

Рассказ к концу — не начат мой рассказ,
мой плод созрел, но зелен мой бутон,
уже не юн, ещё не стар сейчас,
я видел мир — меня не видел он.
Вот нити срез — её не брались вить,
ещё я жив, а мне уже не жить.

Искал я смерть — нашёл во чреве плод,
искал я жизнь — она лишь тени след,
шёл по земле и знал: лежать мне под,
сейчас умру — едва рождён на свет.
Мой полн стакан — испит в один глоток,
ещё я жив, а жизни вышел срок.

Односложность лексики оригинала условно передана в переводе использованием только одно- и двухсложных слов.

2. ...Одена. Эпитафия тирану

За совершенство — на свой лад — стоял он твёрже стали.
Стихи из-под его пера понятны были всем.
Людскую глупость он постиг всех мыслимых систем
и тайну вооружённых сил хранил бесценно сам.
Когда смеялся он — до слёз сенаторы хохотали,
когда он плакал — умирали дети по дворам.

3. ...Блейка. Отрывок

Я даю тебе кончик нитки золотой,
в клубок её всю смотай —
приведёт она к Иерусалимской стене,
к самому выходу в Рай.

Ибо я не надеюсь

Because I do not hope...

T. S. Eliot

Ибо я не надеюсь вернуться опять,
ибо я не надеюсь вернуться;
не мечтаю о даре людском, что ж мечтать
в человеческий удел окунуться;

больше я не забочусь об этих вещах:
пожилому орлу что за счастье
разворачивать крылья на полный размах,
морщить волю увядшую к власти;

ибо я не надеюсь по новой узнать
славы той, что на час возносила,
ибо знаю, ко мне не вернётся опять
эфемерная, властная сила;

ибо в майском саду, где деревья цветут,
с гор потоки сбегают проворно...
ключевою водой не напиться мне тут —
ничего не бывает повторно;

ибо время есть время и место всегда
только место, и оба два вместе,
протекает действительность, словно вода,
лишь во времени данном и месте,

наслаждаюсь вещами я, как они есть:
вот одна, а за нею другая, —
лик блаженный и о воскресении весть
всё поэтому же отвергая;

ибо даже мечтать не могу, чтоб опять
мне вернуться; кружа в заблужденье,
следовательно, вынужден сам создавать
я объект своего наслаждения;

и я Богу молюсь, чтоб был милостив к нам,
чтобы смог позабыть навсегда я
всё, о чём столько спорил с собой по ночам,
столько раз себя не убеждая;

ибо я не надеюсь вернуться опять,
дай ответ на мои вопрошанья,
чтоб свершённое более не повторять;
тяжесть нам облегчи наказанья;

ибо этим крылам больше не полететь,
тарахтеть только, тщетно взбивая
вентилятором воздух, дырявый, как сеть,
мельче, суше, чем воля сухая;

научи же внимать невнимающих нас,
научи нас сидеть плотью падшей
тише мыши; молись о нас грешных сейчас
и молись о нас в час смерти нашей;

помолись о нас в час смерти нашей.

Круговорот

На небе Бог, а под землёю чёрт;
а по земле река людей течёт,

из неба изливаясь, чтоб упасть,
журча и извиваясь, чёрту в пасть;

а те, кто отжурчал свой срок не даром,
назад на небеса восходят паром.

III

Я думал о теле

А шёл бы ты лесом...

Напутствие

Я думал о теле, я шёл через лес.
Куда, в самом деле, я телом исчез?

Трава и коренья, древа и зверьё
скользили без тренья чрез тело моё.

А воздух несвежий, и крутит склероз:
какой меня леший в лес этот занёс?

Как по мановенью — ты наперерез.
Без трения, тенью прошёл тебя чрез.

Не вздрогнула даже и скрылась в прогал.
— Наташа! Наташа! — как рыба, орал.

И далее встречи без лиц и числа...
Через человечьи живые тела, —

лет семь пролетело, — крича в пустоту,
без звука и тела всё лесом иду.

О, зверушки

1. Ущее-ющее

Врущее, ржущее и орущее,
прущее, рвущее, загребущее,
жрущее, с...ущее и ...люющее —
это могущее вопрошать сущее...

2. Повесть о настоящем чебуреке

Жил да был человек,
а потом вдруг стал — чебурек.

Как это случилось, Бог весть,
но теперь каждый его хочет съесть.

То, что стыдно с другим человеком,
не грех совершить с чебуреком.

И гоняются за ним на мерседесах с вилкой да ножом,
а чебурек ковыляет пешком.

Вот-вот сочные выпустят кишки,
сладкие высосут мозги...

Бедный, бедный мой чебурече,
знать, кончина твоя недалече.

3. Гастарбайтерша-урна, разгоняясь по площади Казанского вокзала

Крупнотелая, неуклюжая,
на лету расталкивающая прохожих,
путешественница недосужая,
в каких мечтах ты витаешь хороших?

Летишь себе вместе с плевками да фантиками
на помеле, гастарбайтерша-урна,
то — на латыни переругиваясь с галактиками,
то — с дворниками изъясняясь фигурно!..

4. Весёлые гуси

А у нас в хрущобе — господи Иисусе! —
завелись удивительные гуси.

Чёрные, вёрткие, как головастики,
на крылах — белоснежные свастики.

По ночам в буфете шуруют,
днём — маршируют.

Гнёзда выют под паркетом,
погогатывая при этом.

Ставлю воду им в блюдце золочёном,
солью кормлю с алебастром толчёным.

То-то скачут они тогда, напоминая крольчат,
когда умирают — кричат.

5. Большой муравьед

Упрусь задними в Кремль, брюхом вытянусь вдоль Тверской.
Передние распрямлю в переулки, одну в Столешников, другую
в другой.

Ужо сшибу Долгорукого, и вот к подземному переходу губами
приник,
запускаю туда свой шершавый, свой липкий, свой чуткий язык.

Как же там тесно, в тоннеле! Жду, чтоб вылез мой красный с другого
конца.
И чувствую — есть! Поналипли и соки пустили маленькие тельца.

Изрядно ж тут пряталось, глупых! Вытягиваю свою ловчую снасть —
вся обклеена, как муравьишками, густо, зря ни одному не пропасть.

И всасываю их, плюя шкурками. Так завтракает Большой Муравьед.
Ни души в мэрской Мэрии. Дальше Пушкинская. Здесь нам сыщется
на обед.

Особливо если засунуть в метро через «Чеховку». Но, чу! господа, —
стонут дома по Страстному — сама подползает Самка сюда!

6. Труп

Посмотри на данный труп.
Труп — он состоит из труб

разных: кожных, костных,
нервных, кровеносных.

Ежли труп трубит, дыша,
знать, сифонит в ём душа.

Вишь, в трубе у трупа
недокрут шурупа.

Кто ж скрутил сякой шуруп,
знаем только ты и труп.

7. Былынет

Был поэт.
А теперь его нет.

Хоть он и жив ещё, тута,
но не пишет стихов почему-то.

Вот поэтому-то и не поэт.
Был и нет.

Складень ментовской

1. Принцип неопределённости

Вот идёшь своей Москвою ты.
Видишь — мент стоит, как мумия.
Приглядиись к нему внимательней,
и начнёт он оживать.

Потемнеет зрак безмысленный,
затрепещет бровь надмордная,
в поясной петле дубинушка
шевельнётся будто вверх...

Принцип неопределённости!
Вот о чём бы призадуматься:
как умом мента измерить нам,
свой не изломав аршин?..

Но не тормози мгновения,
споро в даль загоризонтную
правь чело индифферентное —
цел пройдёшь, коль повезёт.

2. На ты

Пока полковник ментовской
не вышел на покой,
к нему течёт со всех сторон
река щедрот рукой.

(Иль нет, рука рекой?)

И молвит он:

— Зане менты

и с Господом на ты:

«Сторицей — нам, своим ментам,
сказал Он, — Аз воздам!»

Трилистник Боратынский

1. Юбилейное

...а оно...

Когда гребёшь декабрь распахнутым пальто,
свежайший ветер хрипя взхлёб нарочно,
но душно всё равно и беспрестанно тошно,
не спрашивай за что,

но сердцем повторяй заспавшему уму,
что много ль — пять сменилось поколений,
и всё возшло, просеял что Евгений
потомку своему.

Включай иль выключай то солнце, то луну,
иль по дневной привычке запотело
питай бессмысленно бессмысленное тело,
иль, отходя ко сну,

ищи, кому сказать последнее «пойми»,
хоть и с самим собой до смерти людно.
Умея словом убивать, как трудно
не говорить с людьми,

всё врать им. А не то — с цепи кота спустить
фантазии, чтоб был не вхолостую,
иль молча в женщину, как в комнату пустую,
входить и выходить.

Слезой отогревай снега, куда падёт
на шелуху излузганное слово —
сухого дерева из семени сухого
пустопорожний плод.

2. Как ничто

Братайтесь, к взаимной обороне...

Кичливых графо, что строчат в струю,
суровых профи, что плодят, натужась,
явление певца приводит в ужас,
их жизни отменяя как ничто.

Их цветники с оградками в строю
певец, — как чрез кладбище посторонний, —
пройдёт под перекрёстный крик вороний,
лишь приподнимет воротник пальто.

3. Последний поэт, или Я знаю

...как знать?

Мой дар высок и голос мой раскатист.
Но я при жизни умер, на земли
любезен никому. Копать в пыли
мой бытию безрадостный акафист,

что и с душой ближайшей не в ладу,
потомок дальний не найдёт досуга.
Как я не встретил в поколенья друга,
читателя в потомстве не найду.

Приглашения

1

Как часто Немецкое, где Петровых
и Кедрин, мой тёзка,
насквозь прохожу, дальше — выход к реке,
на мост пешеходный.

О нет, не в земле под кустарной плитой,
кладбищенским китчем, —
мне весело думать, что после меня
не будет могилы.

Но там, над водою, где звёзды считал
весной полуночной,
мне видится смутно угарным деньком
нестройная группа:

родители, дети, подруга, а вот —
поэт с поэтессой...
Мне думать приятно, что, может быть, вы
приедете тоже

взглянуть, как с моста из пластмассовой — ух! —
распахнутой урны
я пеплом рассыпчатым полечу
над Яузой чёрной.

Читают стихи... Пусть за прахом вослед
слова человечьи
реке в параллель... И лишь ветер, лишь машин
два встречных потока.

2

О, знаю наверно — умру я не весь,
останется лёгкая взвесь —
искрящим снежком покружит на ветру..
Нет, весь не умру.

Содержание

I

Дим-дим	7
Эти дали	8
Ты завтра	9
Мне снится	12
Ода к Му вторая	14
Сюда вернуться	16

II

«В тёмных кустах притаилось добро...»	19
Во искупление долга	20
Мастер пения	21
Из цикла «Сонэчки»	22
Из... ..	24
Ибо я не надеюсь	26
Круговорот	28

III

Я думал о теле	31
О, зверушки	32
Складень ментовской	36
Трилистник Боратынский	38
Приглашения	41

Дмитрий Полищук. Мастер пения

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 30.05.2014.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 2,5
Тираж 500 экз.

